

Г.Л. Каменский

Образы персонажей повести

Платонов не дает ни конкретного внешнего описания своих героев, ни каких-либо глубоких личностных характеристик. Как художник-сюрреалист, работающий на уровне подсознания методом разрыва логических связей, Платонов лишь слегка касается кистью портретов своих персонажей, живущих в невещественном мире, лишенном какого-либо интереса и бытовых подробностей.

Так, нет никаких данных о том, как выглядит Воцев, известно только, что ему тридцать лет. Пашкин же «имел уже пожилое лицо и согбенный корпус тела — не столько от числа годов, сколько от социальной нагрузки». У Сафронова было «активно-мыслящее лицо», у Чиклина — «маленькая каменная голова», у Козлова — «мутное однообразное лицо» и «сырые глаза».

«Трудность немощи ранней жизни, скудость тела и красоты выражения» отметил автор в лицах пионерок, согбенных и пораженных старческой тщедушностью и немощностью, увядших, так и не успев расцвести из-за постоянного недоедания. А у мужика, прибежавшего «из полевой страны», болезненно обеспокоенные «хуторского, желтого цвета» глаза с поволокой смертельного страха. Так, наверное, изобразил бы художник-иллюстратор портреты пионерок и мужика, опираясь на текст повествования.

Платоновской поэтике свойственно описание героев на уровне ощущений, да и сами герои не надеются на собственную зрительную память, больше доверяя чувствованиям. «Поцеловав, он узнал по сухому вкусу губ и ничтожному остатку нежности в их спекшихся трещинах, что она та самая», — только так Чиклин смог опознать в умирающей женщине (матери Насти) ту самую хозяйскую дочь, которая когда-то целовала его на деревянной лесенке. Проявляя особый интерес к внутреннему миру персонажей, автор уделяет мало внимания внешним деталям, но если предмет все-таки обозначен, то он воспринимается чрезвычайно материально, как, например, «опухшая от силы рука» Чиклина или хуленькая, как «тонкая овечья ножка», рука Насти, а горло спящего Козлова просто «клокотало».

Кроме того, знаменательны имена героев как порой единственная информация о том или ином персонаже. Так, о *Воцеве* может рассказать его фамилия, лексическое значение которой угадывается на слух, и которая фонетически сравнима со словами *вообще* и *вотще*. Это соответствует *общим* исканиям героя, который чувствовал «сомнение в своей жизни и слабость тела без истины», из чего можно заключить, что фамилия *Воцев* регулирует движение мыслей самого героя и читателя в нужном для автора идейном направлении. Имя *Настя*, как и фамилия *Воцев*, также играет важную роль в смысловом контексте повести. *Анастасия* с греческого языка переводится, как *воскресшая* — идеей воскрешения в будущем «заражены» все герои повести; к этому готовятся, сохраняя, как Воцев, «предметы несчастья и безвестности» и разное «утильсырье». Однако, героям прежде «надо... сберечь детей как нежность революции и оставить им наказ». А вот ребенка как раз и не удалось сберечь, и получается, что наказывать некому. Настя спрашивает у Сафронова, с кем они останутся. «С задачами, с твердой линией дальнейших мероприятий, понимаешь что?» — отвечает тот воодушевленно.

Трагическое несоответствие имени и судьбы девочки аналогично несоответствию строительства дома или, иными словами, «светлого коммунистического будущего» с методами принудительного насаждения идей об «историческом счастье», когда люди воспринимаются как помеха «строительству». «Эх ты, масса, масса. Трудно организовать из тебя скелет коммунизма! И что тебе надо? Стерве такой? Ты весь авангард, гадина,

---

замучила!» – сокрушается Сафронов, глядя на спящих товарищей. После смерти Насти дом остается невостребованным, потому что там не только никто не хочет жить, но и просто некому. Таким образом, стройка превратилась в мираж, в иллюзию, в антиутопию. Напрасно уповали герои повести на воскрешение жизни и истины. «Общая всемирная невзрачность, а также людская некультурная унылость озадачивали Сафронова и расшатывали в нем идеологическую установку. Он даже начинал сомневаться в счастье будущего, которое представлял в виде синего лета, освещенного неподвижным солнцем, — слишком смутно и тщетно было днем и ночью вокруг».

Героев Платонова раздирают внутренние противоречия, даже Сафронов, не забывавший об «обязанности» радоваться, и тот не может в себе разобраться, а Жачеву, безногую калеку, вообще было стыдно, и не потому, что он не был согласен с поставленными задачами «строительства», а «только все более ощущался личный позор». Воцеву же «ничего не досталось, кроме мученья ума, кроме бессознательности в несущемся потоке существования и покорности слепого элемента».